

як бы казалі, што у іх сараўнаванне – каторая лепей ўжо выплача, адна адной ідзе наперад. Дзве дзеўкі, як зязюлькі кукуюць: адна сабе, а другая сабе ўжо – катора лепей ўмее кунігаваць, як эта называлі даўней”.

По свидетельству других информаторов, существовал и обычай хождения сирот накануне свадьбы на могилу родителей (или одного из них), там сироты причетом приглашали родителей на свою свадьбу. Обычай этот имел в Белоруссии широкое распространение и в ряде местностей бытует до сих пор.

Поэтико-музыкальная стилистика свадебного причета междуречья Литвы и Пелюсы типологически (а вероятно, и генетически) родственна причету похоронному и должна быть рассмотрена в русле местной погребальной традиции. Сам же погребальный ритуал данной местности оказывается включенным в общепелюсскую традицию и, возможно, в традиции соседних Литвы и Польши. Выяснение последнего обстоятельства станет возможным по мере накопления материала и системно-типологического его осмысления.

Н. ЛАУРИНКЕНЕ

ПОХОРОННЫЕ ПРИЧИТАНИЯ ПЕЛЮСЫ

В регионе Пелюсы (Вороновский р-н Гродненской обл. БССР) сохранился своеобразный тип похоронного причитания. Определение его семантической структуры – набора составных элементов, способов их сочетания и смысла – является задачей данной статьи¹.

Объектом исследования избраны литовские причитания Пелюсы и соседних деревень. Их записи пока не публиковались; рукописи текстов сосредоточены в основном в Институте литовского языка и литературы АН Литовской ССР и Госконсерватории Литовской ССР.

Причитания изучаемого региона неоднородны с точки зрения развернутости тем, сохранности архаизмов. Некоторые из них представляют собой соединения нескольких микросюжетов, содержащих важную мифологическую информацию. Другие – преимущественно более поздние записи – небольшие по объему, менее содержательны. Среди пелюсских плачей выделяются тексты, записанные в 1930–1940 гг. собирателем литовского фольклора Ю. Айдулисом и известным археологом М. Алсейкайте-Гимбутене. Зафиксированные ими причитания поражают высоким поэтическим уровнем, наличием архаических образов.

Литовские причитания Пелюсы сформировались на основе балтийской традиции, а позже претерпели влияние славянской культуры. Более конкретное определение этнической основы изучаемого микросоциума – сложная, в настоящее время нерешенная проблема. Согласно Е. Охманьскому и Т.М. Судник, территория Пелюсы несколько столетий тому назад была

¹ Погребальный фольклор Пелюсы исследовался Л.Г. Невской (Погребальный обряд в Пелюсе: структура и терминология//Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980. С. 245–254).

заселена прусскими переселенцами из Скаловии и Барты². В связи с этим можно было бы говорить о причастности пелюсских причитаний не только к литовской, но и к западнобалтийской традиции. В причитаниях Пелюсы обнаружено некоторое сходство с произведениями данного жанра юго-западной Литвы, но пока лишь довольно общего характера. В дальнейших более основательных исследованиях фольклора Пелюсы необходимо иметь в виду возможность соотнесения его с западнобалтийской культурой.

В причитаниях Пелюсы можно выделить некоторые наиболее существенные, доминирующие мотивы, образы. Их семантика отражает понимание основных категорий, связанных со смертью.

Смерть в причитаниях понимается как определенное состояние человека. В данных текстах не обнаружено персонафицированного облика смерти. Обычно смерть представляется как сон – тяжелый или, наоборот, спокойный: О mano mocina, o kol tu tep žumigai (LTR 4314(155)) 'О мая мать, о почему ты так уснула'; Tai žumigau sunku miegelii (LMD III 46^b(8)) 'Так ты уснул спокойным сном'. С этим умершим – "спящим" персонажем как будто ведется разговор. Его будит плакальщица: просит встать, поднять голову, промолвить слово (LTR 4312(417); LTR 4312(419); LMD III 46^b(8)). К покойнику обращаются со множеством ласковых обращений, его спрашивают, но не ждут ответа. Умерший как будто находится в промежуточном положении – между небытием и жизнью. Смерть представляется как частное небытие – лишь как переход из будней в другую, особую сферу. Перемещение умершего в другой мир изображается в причитаниях как путь в далекую страну. Часто спрашивается у покойного: О kokio šalalėn išsirangdai? (LTR 5394(3)) 'В какую сторонушку собираешься?'; Ievute, mana sesute, tai ko atsiskirdai, tai ko išvažiuodai, tai kokian kelalin, tai kokian kraštelin? (LMD III 131(15)) 'Евуте, моя сестрица, так чего ты разлучаешься, так чего уезжаешь, так в какой путь, в какую сторонушку?' Сравните со сходно звучащими белорусскими формулами: А куды ты гэто прыбраўся? В якую дорожку? (ШМ 2 с. 638); Куды-ж ты от мяне отлітаеш? . . . Куды-ж ты гето прыбраўся. У якую дороженьку и ў якую сторонучку (ШМ 28 с. 657). Такого рода аналогий в литовских и белорусских причитаниях – множество. Совпадают не только отдельные формулы, но и содержание, композиция целых описаний.

Страна, в которую снаряжается умерший, называется "чужой": nuveš svėcimon šalalėn (LMD III 46^b(5)) 'повезут в чужую сторонушку'; aš išeitau svėcimon šėlalėn (LMD III 131(11)) 'Я вышел бы в чужую сторонушку'. Где находится и какова эта чужая страна, определяется лишь в одном тексте:

Tai koć anas eis svėcimon šėlalėn,
Žu gilių maralių,
Žu žalių giralių,
Žu mėlino vandenėlio!

LMD III 46^b(9)

Так хоть он пойдет в чужую сторонушку,
За глубокими морями,
За зелеными лесами,
За синей водичкой!

Как представляется мир, в который переходит умерший, отчасти можно судить по фрагментарной характеристике пространства могилы. Не только

² См.: Z polskich studiów slawistycznych: Ser. 4. Historia. Warszawa, 1972. С. 83–89; Судник Т.М. К истории языковой ситуации Пелюсы//Балто-славянские этноязыковые контакты. М., 1980. С. 181–191.

в пелясских плачах, но и в текстах этого жанра, распространенных на территории Литвы, одним из наиболее характерных образов является гора. Это место, куда собирается покойник. На высокой горе часто локализуется могила. В пелясских причитаниях образ горы представлен в таком контексте:

Jau insirėdė in aukštų kalnelį, In tamsių žemelį	‘Уже собрался на высокую горку, В темную землю’
LTR 2375(122)	
Tai kad aš macytau Savo brangių sesiulį aukštame kalnely, Gudami grabely, tamsioje žemelėj	‘Чтобы я видел Свою дорогую сестричку на высокой горке, В жутком гробу, в темной земле’
LTR 2375(123)	

Образы высокой горы и земли коррелируют между собой. Сочетаются оппозиционные семантемы. Гора, согласно мифопоэтическому миропониманию — посредник неба и земли, вариант мирового дерева. Земля соотносится с нижней сферой модели мира. Значит, покойник, помещаемый в землю, связан с нижним уровнем вселенной и вместе с тем — с верхом (так как его могила на горе). С другой стороны, в причитаниях подчеркивается, что от верхних сфер космоса покойник изолирован. Его не достигае свет, он отстранен от небесных тел и явлений:

Tai tavi nežužibins anei saulika, anei deveitulis ³ , tai tavi nežulis nei skaudus lietulis	‘Так тебя не осветит ни солнце, ни месяц, так тебя не польет ни сильный дождик’
LTR 475(587)	

Nepūs mano sesiulės logadnas vėjelis, Nekaicys saulalė, Neingiedrys šviesi dienele	‘Не дует сестрички нежный ветерок, Не прогреет солнышко, Не прояснится светлый денек’
LTR 2375(123) ⁴	

Земля в причитаниях Пелясы называется не только просто *žemelė* ‘землица’. Часто встречается лексема *žemyna* (*žemynėka* и т.п.) в сочетании с эпитетами: *syrausioji žemynėka* (LMD III 131(12) ‘сыра земля’; *žubers o juodom žemynėkom* (LMD III 46^b(5) ‘засыплют черной землей’; *žamynika mana* (LTR 4314(180) ‘земля моя’; *kap tavi žamynon inlaizdzis* (LTR 4314(155) ‘когда тебя в землю будут опускать’. На территории Литвы *žemyna* в причитаниях

³ *Deveitulis* (от корня *diev-*) — древнее название месяца (луны), которое сохранилось в Пелясе.

⁴ Ср. с фрагментом из окрестностей Лейпалингис (Лаздийский р-н) и с белорусским текстом:

Kaip nugulėsi Siergoj žemelėj Po žalia vejele, Kur vėjelis neužpūs, Kur saulelė neužkais	‘Как будешь лежать В сырой земле Под зеленой травой, Где ни ветерок не повеет, Ни солнышко не прогреет’
--	---

LTt II 572

Што ни зайдзе ясное соўняко,
Ни ветрик не повея, ни дожджык ни зайдзе

ШМ 2 с. 639

уже трансформировалась в лексему *žemė*, и там употребляется формула: *siera žemelė* (напр. LTt II 565: JLD 1180, 1181, 1183)⁵.

Важный атрибут могилы, а вместе с тем и пространства покойного — дерево. По данным пелясских причитаний, на могиле могут расти явор (LTR 2375(122), сосна (LMD III 131(12), липа (LTR 2375(122), береза (LMD III 131(12)). В последнем из указанных в скобках текстов береза соотносится с кукушкой — птицей, которая общается с умершими. Примечательно, что все названные деревья стоят на могиле женщины: матери или дочери. Следует обратить внимание на некоторые более детальные характеристики локализации дерева:

Vai kad gi išaugtų Gali glotnios galvelės, An aukšto kalnelio, Žalias ievarelis	‘Ой чтобы вырос У гладкой головушки, На высокой горке, Зеленый яворочек’
--	---

LTR 2375(122)

Явор растет на высокой горе, у изголовья умершего. В другом плаче (LMD III 131(12) говорится, что дерево — сосна стоит “на темной хате” матери.

Перемещение умершего в другую сферу знаменует не только тема пути, но и мотив переселения в новое жилище (гроб). Этот посмертный дом определяется как темный, без окон, без дверей: *O tamsi tavo pirkelė, nė vieno langelio nėra, nė vienu duralių* (LTR, 5394(2) ‘О темная твоя хатка, без единого окошка, без единых дверей’. Жилище без окон и дверей относится к основополагающим образам плачей литовско-белорусского ареала. Оно описывается оборотами, которые в текстах данной территории являются “типичными местами”. Сравните с вышеприведенной цитатой следующие: *tamsūs tavo nameliai, be durelių, be stiklo langelių* (JLD III 1178) ‘темный твой дом, без дверей, без стеклянных окошек’; *Збудовали табе свяцёлочку цёмною, нявидною — Нима ни дзверэй, ни вокошачык* (ШМ 2 с. 639).

Абсолютная замкнутость нового дома подчеркивается не только отсутствием каких-либо проемов, но и той деталью, что он закрыт на замок: *Tai subudavoj mano mocinai namelį be jokių langelių, o ir sunkais zomkeliais* (LMD III 131(12) ‘Так построили моей матери домик без окошек и с тяжелыми замками’.

Рядом с темным домом в причитаниях Пелясы существует и другой вариант посмертного жилища — построенного по образцу обычного здания — с окнами и дверьми, т.е. с атрибутами, при помощи которых поддерживается связь с внешним миром:

Tai aš paporisiu Tavo susiedėliam, Kad subudavot tau pirkeļi Su langelēm, su duralēm, Tai kad sudētų sciklo langelius, Kad būt šviesiau pasdairycia,	‘Так я скажу Твоим соседушкам, Чтобы построили тебе хатоньку С окошечками, с дверьми, Чтобы вставили стеклянные окошки, Чтобы было светло поглядеть,
---	---

⁵ М. Преториус Жемину (*Zemyne* oder *Zemele*) определяет как богиню пруссов. Он описывает погребальные обряды, в которых значительное место уделялось этой богине. См.: *Prätorius M. Deliciae Prussicae oder Preussische Schaubühne/Hrsg. von W. Pier-son. Berlin, 1871. S. 26, 101–105.*

O duralas an zoviesėlių,
Kad būt langviau adarycia⁶

LMD III 46^b(9)

А двери на завесках,
Чтобы было легче открыть⁷

Как видно из представленного материала, в причитаниях отчетливо различается оппозиционное восприятие мира. Жизнь—смерть, небо и надземный мир—подземелье, светло—темно, высоко—низко, свой—чужой — основные противопоставления, по которым классифицируются элементы расстроенного мира в причитаниях. Роль посредника, связующего звена этих противопоставлений, выполняет птица — кукушка. Вместе с тем она является одной из главных фигур,двигающих действие в причитаниях.

Кукушка как посредник может сообщаться с "чужой стороной" — загробным миром. Она приносит сведения от умершего, письма от него (или ему):

Tai atrašyk man lakštelį
Koč per reibų gegulį,
Tai aš išėisiu ankstų rytelį,
Tai aš klausysiu,
Ką gegutė porija —
Mažu nuo manos mocinos!
Tai aš atrašysiu atgalion
Koč ne an balto popierėlio,
Tai in žalio lapelio,
Tai lapelis nebijos
Nei skambaus lietulio,
Nei bistro vėjelio,
Tai koč anas eis svecimon šalalėn

LMD III 46^b(9)

'Так напиши мне письмо
Хоть через пеструю кукушку,
Так я выйду рано утром,
Так я буду слушать,
Что кукушка рассказывает —
Может от моей матери!
Так я напишу обратно
Хоть не на белой бумажке,
Так на зеленом листочке,
Так листочек не будет бояться
Ни сильного дождика,
Ни быстрого ветра,
Так хоть он пойдет в чужую сторону'

Кукушка в причитаниях связывается с весной (или летом), со временем, когда пробуждается природа. Мотив весны в плачах иногда служит контрастом смерти: описывается возрождающаяся природа, а потом сожалеют, что нет в живых умершего (напр. KTR 163(16); LTR 2374(1)). Существует и другой вариант семантического контекста весны: вместе с природой возрождается и покойник. Этот сюжетный вариант будет рассмотрен подробнее.

В пелясских причитаниях отмечается, что с приходом весны кукушка начинает свою деятельность посредничества между живыми и мертвыми. Эта функция кукушки ярко отражена в одном из причитаний (LMD III 131(12)), которое представляет собой текст, хорошо сохранивший типич-

⁶ Сравните это описание со сходными из других местностей:

Tai tu paprašyki gražiausiais žodeliais,
Kad jie subudavotų
Tau erdvę namelį,
Kad jie padarytų varelio dureles,
Kad jie įstatytų
Krištolėlio langelius

LTU 237 (Варенский р-н)

'Так ты попроси ласковыми словечками,
Чтобы они построили
Тебе просторный домик,
Чтобы они сделали медную дверь,
Чтобы они вставили
Хрустальные окошки'

Суседьки мое милые,
Срубите мойму татуличку домочек веселенький,
Каб ён быу роскошненький,
Просечите ў им воконочко

ШМ 76 с. 688

ную структуру пелясского плача, а также содержащий некоторые архаичные — заслуживающие особого внимания — представления. Это произведение было записано в 1933 г. от Марите Блашкайте.

В причитании определяются обстоятельства, при которых появляется кукушка (когда, где и откуда): Tai kap cik ataina o šalciausias pavasarėlis, tai kap sužaliuoja visi žali medeliai, o kap atgyja visos drabnos paukštelės, tai kap atskranda o reiboji gegutė an ma placioje kiemelio, tai kap insėda žaliausiu verbelėn, — tai aš atsidarysiu savo balciausį langelį, tai aš paklausysiu, kuroj šalalėj ana kukuoja, kuran kraštelin ana čilbuoja: tai ar toj šalalėj, kur saulalė išteka, tai ar toj šalalėj, kur saulalė žuslaidzia. 'Как только приходит холодная весна, как только зазеленеют все зеленые деревца, как только оживают все маленькие птички, как только прилетает пестрая кукушка на мой широкий двор, как только садится на самую зеленую вербушку, — так я открываю свое белейшее окошечко, так я слушаю, в какой сторонуще она кукует, в каком краю она щебечет: в той ли сторонуще, где солнышко восходит, в той ли сторонуще, где солнышко заходит'

Кукушку слушают через окно. Через оконный проем помещения, по данным погребального фольклора, обычно поддерживается связь с репрезентантами того света⁷. О том, что кукушка представляет собой гостя из мира умерших, в приведенном фрагменте текста можно судить по такому речению: Tai aš paklausysiu, kuroj šalalėj ana kukuoja, kuran kraštelin ana čilbuoja: tai ar toj šalalėj, kur saulalė išteka, tai ar toj šalalėj, kur saulalė žuslaidzia 'Я послушаю, в какой сторонуще она кукует, в каком краю она щебечет: в той ли сторонуще, где солнышко восходит, в той ли сторонуще, где солнышко заходит'. Такая фраза является постоянным оборотом в пелясских причитаниях. Обычно им описывается сторона, в которую отправился покойник и из которой ждут его возвращения (см. LTR 4314(155); LTR 4314(180); LTR 2374(1)). Возможно, что этим речением обозначается загробный мир.

Далее в анализируемом причитании повествуется о том, как кукушка отправляется в сторону, где находится умершая мать: Tai aš tau parašysiu an balciausio popierėlio o juodžiausiais žodeliais, tai aš tavi paprašysiu su savais smutnais žodeliais, su savo drabnom ašarėlėm, tai kad tu nuskristai in tų šalalį, kur mana mocina guli, tai kad tu jai pakukuotai mano smutnus žodelius, mano didziuosiojus vargelius, tai gal ana tavi paklausis, tai gal ana tavo balselį išgirs. Po zaliausiuoju berželiu tai giliausiojos šaknelės, tai tu atkabink mano mocinai duralas. Tai geltoniausiojas pieskelis, tai syrausioji žemynėka, tai kad ana rasiškirt tai ar nepaskelt mano radnoj mocina 'Так я тебе напишу на белехонькой бумажке, о, черными словечками, так я тебя попрошу своими печальными словечками, своими мелкими слезыньками, чтобы ты полетела в ту сторонущку, где мать моя лежит, чтобы ты ей покуковала мои печальные словечки, мое величайшее горе, так может она тебя послушает, так может она твой голосок услышит! Под зеленой березкой глубочайшие корни, ты отпри дверь моей матери. Желтый песок, сыра земля, если бы она расступилась, не поднимется ли моя родная мать'

Кукушка должна передать матери слова дочери, а также помочь ей

⁷ См.: Невская Л.Г. Семантика дома и смежных представлений в погребальном фольклоре//Балто-славянские исследования, 1981. М., 1982. С. 110.

воскреснуть, т.е. отпереть дверь, которая находится под глубочайшими корнями березы, и таким образом открыть выход из-под земли на верх.

С образом кукушки связан мотив перевоплощения – как живого, так и неживого существа. В пелясских причитаниях зафиксирован мотив превращения живого человека в кукушку⁸. Смысл этой метаморфозы, вероятно, можно объяснить тем, что живой человек, желая встретиться с дорогим для него умершим, превращается в объект природы, который наделен способностью посредничества между живыми и мертвыми. Таким образом он перемещается в другую сферу. В причитаниях изучаемого региона человек может приобрести облик не только кукушки, но и растения⁹:

Oi ar man pavirsctie žaliausia rūteli,
Oi ar man garbėcietie naujam daržėlėly,
Oi ar man pavirsctie raibu gegužėli,
Oi ar man kukuocietie visas savo viekelis
Be brangiausios sesulės,
Oi ar man pavirsctie gėlėlės medeliu,
Oi ar siūbuocietie visas savo viekelis

LTR 2375(123)

‘Ой превратиться ли мне в зеленейшую рутоньку,
Ой кудрявиться ли мне в новом палисаднике,
Ой превратиться ли мне в пеструю кукушку,
Ой куковать ли мне весь свой век
Без дорогой сестрички,
Ой превратиться ли мне в лесное деревце,
Ой колыхаться ли мне весь свой век’

Идея воскресения умершего выражается и мотивом его возвращения в наземный мир, в свой дом. Это возвращение понимается лишь как временное. Возвращающийся покойник в пелясских причитаниях называется гостем: *Kadu viešneli būsi?* (LTR 2375 (122) ‘Когда гостьей будешь?’ Сравните с белорусским речением: Гостика моя любенькая! Откуда же мне цябе дожидать? (ШМ 36 с. 664). В представляемой встрече с покойником (или в обращении к нему, стоя у гроба) родные рассказывают о разрушенном порядке их жизни и просят его возвратить гармонию:

Tai pakelkia tu
Savo senę galvelį,
Tai prakalbėkia
Gražų žodelį
Ir paprašykia
Savos prisiegėlės,
O mano radno tėvelio,
Tai kad apas mus

Так подними ты
Свою старую головушку,
Так промолви
Ласковое словечко
И попроси
У своего суженого,
А моего родного батюшки,
Чтобы он не обижал бедных сирот.

⁸ В литовских плачах других регионов более распространен мотив превращения покойника в кукушку: *Aitau in girai, klaustau žalių medelių, ar nematė anūkėlės geguli pulekiančė* (LTR 1578 (21); ‘Лаздийский р-н) ‘Шла бы в лес, спрашивала бы зеленые деревца, не видели ли они внучки, кукушкой улетающей’; *O tai bus Jų radna motulė – Tai raiboji gegulė* (LTU 244; ‘Варенский р-н) ‘А будет Их родная муташка – Это пестрая кукушка’ (Ср. белорусские причитания: ШМ 28 с. 657; 30 с. 659; 34 с. 662–663).

⁹ В Шальчянинкайском р-не записан плач, в котором говорится о превращении покойного в шуку (LTR 3432 (6)). Шука отплывает на горку и там находит своих умерших родителей.

Nekriudzytų, biednų siratėlių.
Tai suparėdkavokia
Mano buitėlių

(LTR 2374(1)⁰

Так наведи порядок
В моей жизни’

Наведение порядка в разрушенном социуме можно считать одной из главных целей возвращения умершего в этот мир.

Время возвращения покойного не всегда определяется. Обычно, как упоминалось, воскресение умершего происходит весной. В одном из текстов время возвращения умершего намечается довольно конкретно:

Tai kad žinotau, kadu pareisi.
An kokios šventelės?
Ar an šventų Velykėkų?

LMD III 46^b(6)

Кабы я знал, когда придешь.
На какой праздник?
Может на святую Пасху?¹¹

Не совсем отчетливо характеризуется и пространство, из которого ждут возвращающегося покойника:

O nuo kur dar man tavy laukt:
Ar nuog saulėlydzio,
Ar nuog saulėtekio?

LTR 4314(155)

‘Откуда мне тебя ждать?
С той стороны, где солнце заходит,
Или с той, где восходит?’

Iš kur tavy laukcia,
Iš kuros šalalės?
Ar iš dzidzio keruošėlio,
Ar iš dzidzio turgelio,
Ar iš sunkaus darbelio?

LMD III 46^b(7)

‘Откуда тебя ждать?
С которой стороны?
С большой ярмарки?
С большого базара
Или с тяжелой работушки?’¹²

С умершим можно встретиться если не в реальной жизни, так в другом ее плане – во сне: *O totulia, o kadu pas mus ataisi, tai nor per sapnelį mums paropyk, kap tynajaka būni, kas tynajakai girdėc, ar susicikiai su savo dukralėm ir su mūs momuli* (LTR 5394(3) ‘О батюшка, о когда ты придешь, так хоть во сне нам расскажи, как там живешь, что там слышно, встретился ли со своими дочками и с нашей матушкой’; *Tai tu man nor prisisarpuokie tamsioj naktelėj, kap man tynai vargelis vargtie* (LTR 4308(40) ‘Так ты мне хоть приснишь темной ночью, как мне там горюшко горевать’. Мотив встречи с покойником во сне характерен для более поздних записей пелясских причитаний.

¹⁰ См. также следующий пелясский текст: LTR 4312 (418). Ср. с фрагментом причитания из Ширвинтского р-на: *Kelkis vyreli, Darbelių dirbti . . . Tvarkelės vesti* (LTt II 581) ‘Вставай, муженек, Работушку работать . . . Порядок наводить’. Белорусский текст: *Чаму ты [мать. – Н.Л.] нам пырядокни дала якого?* (ШМ 88 с. 694).

¹¹ Некоторыми авторами упоминается *vėlių vėlykos ‘pascha duš’* (см.: *Basanavičius J. Rinkiniai raštai*. V., 1970. С. 277–278, 280–281, 288).

¹² Ср. с аналогичными текстами из других местностей: первый – из окрестностей Сейнай: *Kodėl neprakalbi, mano mocinėla, iš kur mumi laukcie mocinėlės pareinancios; ar iš gytelių, ar iš vakarėlių, ar iš tos šalėlės, kur aukštas kalnelis* (R4 с. 96) ‘Почему слова не промолвишь, моя матушка, откуда нам ждать матушки приходящей: с востока или с запада, с той ли стороны, где высокая горка’. Белорусские:

Откуль цябе позираць буду:
Ци с ўсхода, ци с захода сонца?
ШМ 14 с. 646

Куда ты собралась, срядилася?
В который путь, в котору дороженьку?
В который базар, в кую ярмарку?
Откуда нам тебя ждать?

ШВ 2527

С темой возвращения умершего соотносится образ дороги. В причитаниях упоминаются прежние тропинки, по которым ходил умерший. Они заросли, исчезли: *Tai žuaugo takeliai tavo, mocina, pas mus ataic jau, pieskelis žunešė ta sliedelius jau. Žuaugo keleliai, žuaugs jau. . .* (LTR 4312 (420)) 'Так заросли тропинки твои, мать, к нам прийти уже, песок занес твои следы уже. Заросли дорожки, зарастут уж. . .' Сравните с аналогичным белорусским текстом: Зарастут мои все стежечки — дорожечки. Перестанут ходить мои ноженьки ко родимой моей матушке (ШВ 2530). Эти бывшие тропы противопоставляются новым. Новая дорога представляется как идущая из того света в наш мир. По ней должно прийти полуреальное существо, стоящее как бы на грани этого и того света — покойник. С одной стороны, он выходец из нашего мира, с другой — он является гостем, пришельцем из чужого мира. Поэтому и дорога, по которой он пойдет, должна быть необычной: соединяющей противоположные сферы вселенной и выполняющей функцию медиатора. Эта дорога выстилается предметами покойного, атрибутами погребального ритуала: белым полотном (LTR 475 (586); LTR 4314 (180); LMD 46^b (9) или просто белой тканью (LTR 4303 (22), цветами (KTR 235 (39); LMD III 46^b (3); LMD III 46^b (9)). Перед тем, как по тропе пойдет гость с того света, дорога подметается, с нее собираются камешки (LMD III 46^b (3); LMD III 46^b (9); LTR 475 (586)). Дорога посыпается желтым песком (LTR 2374 (1)), обливается водой (LMD III 131 (15)), обсаживается деревьями (KTR 235 (39); LTR 2374 (1) и цветами (LMD III 131 (15))¹³.

Дорога, по которой возвращается покойник, — общелитовское представление, отражающееся в текстах данного жанра. В распространенных в Литве плачах дорога соотносится в основном с теми же реалиями, что и в пелясских причитаниях.

Рассмотренные образы и микросюжеты можно считать наиболее характерными для пелясской причеты. Они сочетаются, создают различные варианты семантических структур. Встречаются как соединения минимального количества перечисленных в данной статье семантических единиц, так и более полные и сложные их комбинации. Модель пелясской причеты восстанавливается по совокупности текстов различного состояния и уровня. Основными семантическими компонентами этой модели являются следующие представления: смерть — сон; смерть — перемещение умершего в "чужую страну"; пространство покойного и могилы (земля, гора, темнота, дерево на могиле); гроб — посмертный дом (изолированность от внешнего мира, замкнутость или, наоборот, возможная связь с верхними сферами космоса); кукушка как посредник между миром живых и миром умерших; перевоплощение покойника в птицу или растение; возвращение покойника в этот мир; дорога, соединяющая мир живых с загробным миром.

При анализе названных мотивов приводились параллели из причитаний в основном южных и юго-западных регионов Литвы и из белорусского фольклора. Хотелось показать, что рассматриваемые мотивы и образы

¹³ При определении такого рода действий, совершаемых на дороге, употребляется сослагательное наклонение, означающее не происходящее, а возможное действие, напр.: *Tai aš nurinktau akmenėlius nuk viso kelalio* (LTR 475 (586)) 'Так я собрал бы камешки со всей дорожки'.

известны не только в Пелясе; они распространены в широком балтославянском ареале. Литовские причитания Пелясы с белорусскими объединяет по существу та же семантическая основа. На лексическую сторону пелясских причитаний заметное влияние оказал белорусский язык. Чем позднее записаны литовские причитания данного региона, тем больше в них славизмов.

Пелясские причитания представляют интерес своим конкретным семантическим и композиционным обликом. Сохранившиеся в них фрагменты мифологии послужат при восстановлении представления смерти и связанной с ней сферы у балтов.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- ШВ — *Шейн П.В.* Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах. . . Т. I, вып. 2. СПб., 1900.
 ШМ — *Шейн П.В.* Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края. Т. I, ч. 2. СПб., 1890.
 JLD — *Juška A.* Lietuviškos dainos. Т. 3. V., 1954.
 KTR — Рукописный фонд фольклора Госконсерватории ЛитССР.
 LMD — Фольклорные рукописи Литовского научного общества в Ин-те литовского языка и литературы АН ЛитССР.
 LTR — Рукописный фонд фольклора Ин-та литовского языка и литературы АН ЛитССР.
 LTt — *Lietuvių tautosaka.* Т. 2. V., 1964.
 LTU — *Lietuvių tautosaka, užrašyta 1944–1956.* V., 1957.
 R — *Lietuvių raudos/Pratarmė J. Basanavičiaus.* V., 1926.

Е. ОХМАНЬСКИЙ

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР "ОПИСАНИЯ ЗЕМЕЛЬ" ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIII в. И ЕГО СВЕДЕНИЯ О БАЛТАХ

В 1979 г. М.Л. Колкер (M.L. Colker) опубликовал в журнале "Speculum" не известные ранее "Descriptiones terrarum", сохранившиеся в дошедшем до нас от конца XIII в. кодексе № 347 библиотеки Trinity College в Дублине (л. 3–4)¹. Это сжатое, лаконичное описание Европы (хотя автор, очевидно, знал об Азии и Африке), принадлежащее перу неизвестного автора. Не оригинал, но близкая по времени копия. Описание делит Европу на две части: западную и восточную, причем за основание деления принято исповедание — католическое и православное. Внимание автора направлено, главным образом, на центрально-восточную Европу, с которой, очевидно, он был ближе знаком².

¹ *Colker M.L.* America rediscovered in the thirteenth century?//Speculum. 1979, october. P. 712–726.

² Польский перевод фрагментов "Описания" с комментарием опубликовал К. Гурский: *Górski K.* Descriptiones terrarum. Nowo odkryte źródło do dziejów Prus w XIII wieku//Zapiski historyczne. Toruń, 1981. Т. XLVI, z. 1. S. 7–16.